
НОВЫЕ КОНТУРЫ РОССИЙСКОЙ ДЕЙТЕВТЕЛЬНОСТИ

Особенности идентичностей и мировоззрения основных страт современного российского общества¹

Н.Е. ТИХОНОВА*

***Наталья Евгеньевна Тихонова** – доктор социологических наук, профессор-исследователь, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН. Адрес: 101000, Москва, Мясницкая ул., д. 20. E-mail: ntihonova@hse.ru

Цитирование: Тихонова Н.Е. (2020) Особенности идентичностей и мировоззрения основных страт современного российского общества // Мир России. Т. 29. № 1. С. 6–30. DOI: 10.17323/1811-038X-2020-29-1-6-30

В статье анализируются особенности идентичностей и мировоззрения трех основных массовых страт российского общества, выделенных на основе специфики их жизненных шансов в различных областях. На материалах двух общероссийских исследований ФНИСЦ РАН 2015 и 2018 гг. продемонстрировано, что эти страты заметно различаются между собой не только по своему уровню благосостояния, профессиональному составу и образовательному уровню, но и по идентичностям, социальному самочувствию, установкам, нормативно-ценностным системам и отношению к происходящему сегодня в России. При этом средняя и нижняя страты близки между собой, а насчитывающая около 20% россиян верхняя страта выделяется на их фоне четко выраженными особенностями идентичностей, горизонтом планирования, распространенностью нонконформистских установок и типом локус-контроля. Жизненные цели представителей верхней страты чаще имеют достижительный характер, а их оценки сложившейся в России ситуации, в отличие от оценок остальных россиян, довольно оптимистичны. Запросы представителей этой страты к государству также имеют свою специфику, в частности ярче выражен запрос на рывок страны в сфере науки и высоких технологий. В то же время в верхней страте меньше распространены солидаристские установки и шире – стигматизация бедных. Отмечено также, что особенности установок и нормативно-ценностных систем верхней страты отражаются в поведенческих стратегиях ее представителей. Сделан вывод о том, что выделенные страты соответствуют основным критериям классов в их неовеберрианской трактовке, а верхняя

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-78-20125).

страта может рассматриваться в рамках данной модели социальной структуры как средний класс, имеющий выраженную специфику своих объективных и субъективных характеристик.

Ключевые слова: социальная стратификация, социальная структура, жизненные шансы, модель стратификации, страты, социальное воспроизводство, идентичности, социальный статус

Теоретико-методологические основания исследования и общая характеристика модели стратификации российского общества по критерию жизненных шансов и рисков

Характер сформировавшейся в России по итогам реформ последних десятилетий модели социальной структуры (ее тип, место в ней отдельных социальных групп, их численность и характер) регулярно привлекал к себе внимание исследователей [Жвиташвили 2015; Тихонова (1) 2018; Голенкова 2016; Семенова, Черныш, Ваньке 2017; Тихонова 2014; Тощенко 2018; Черныш 2014; Шкаратан, Ястребов 2008; Шкаратан 2012 и т.д.]. В то же время, хотя проблематика социальной структуры и вызывает интерес ученых, в отечественной литературе сейчас практически отсутствуют работы, использующие при структурировании российского общества так называемый градационный подход в той его версии, где группы населения выделяются на основе специфики жизненных шансов их представителей и испытываемых ими рисков. Исключения сравнительно немногочисленны [Аникин 2018; Мареева 2018; Тихонова (2) 2018], но и в них практически не анализируются особенности субъективных характеристик разных социальных слоев через призму их сравнения друг с другом. Если же рассмотрение этих характеристик применительно к отдельным социальным группам и проводится, то акцент делается в основном на ценностное единство россиян [Горшков, Петухов 2017; Горшков, Ли Пэйлиня, Козырева, Тихонова 2018 и др.]. Поэтому целью данной статьи стали определение некоторых наиболее отличительных особенностей субъективных характеристик представителей различных массовых групп российского общества, выделенных на основе их жизненных шансов и испытываемых ими деприваций и рисков, а также оценка роли классовых различий в определении этой специфики.

В теоретико-методологическом плане такой подход к социальной структуре является логичным продолжением неовеберовской традиции, поскольку проблема жизненных шансов стала восприниматься в социологии как значимое основание для стратификации именно начиная с работ Макса Вебера, рассматривавшего эти шансы как основание для определения общей статусной позиции индивида в общественной иерархии в условиях капиталистического общества [Weber (1924) 1978]. В качестве ключевых, наиболее значимых жизненных шансов, характеризующих ту или иную статусную позицию, М. Вебер выделял те из них, которые связаны с местом индивидов в системе экономических отношений, т.е. их принадлежностью к тому или иному «экономическому классу». При этом

большое внимание он уделял специфике жизненных шансов и в других областях, например, в сфере потребления, не сводящейся к принадлежности к тому или иному классу, хотя в конечном счете и детерминирующей обычно этой принадлежностью.

Вебер различал *позитивную* (преимущественное положение по отношению к некоей существующей в обществе норме) и *негативную* (различные виды депривации и рисков) *экономическую привилегированность*, а также некое *срединное положение* между ними. Соответственно, при таком подходе к анализу неизбежно выделяется три основные страты: характеризующаяся позитивной привилегированностью, характеризующаяся негативной привилегированностью и промежуточная между ними (средняя, «срединная») страта [Weber (1924) 1978], – которые при наличии у них вытекающих из их места в социальной структуре специфики мировоззрения и поведенческих паттернов можно рассматривать как реальные классы, а не просто как совокупность близких структурных позиций в рамках выделенных формальных групп.

Впоследствии подход к стратификации через анализ жизненных шансов получил в неовебериаанской традиции дальнейшее развитие. При этом уточнялись как сами понятия жизненных шансов и рисков [Beck 2009; Goldthorpe, Llewellyn, Payne 1987; Scott 2002; Standing 2011; Wright 1997 и др.], так и их набор в различных сферах: в сфере экономической безопасности, в трудовой деятельности, в сфере потребления и т.д. [Beck 2009; Dahrendorf 1979; Daston 2008; Scott 2002; Tumin 1973 и др.]². Интерес к проблематике жизненных шансов обуславливался тем, что этот подход позволяет более точно выделить гомогенные группы в рамках их вертикального ранжирования по степени благосостояния, чем просто показатель доходов или располагаемого имущества. Это связано как с многообразием жизненных стилей в современном мире, при котором одни тратят деньги в основном на услуги, а другие – на имущество, так и с разной степенью рациональности трат и большей ролью разного рода немонетарных ресурсов (социальный капитал, когнитивные и некогнитивные способности и т.д.) в формировании неравенства жизненных шансов и рисков при формально одинаковых доходах.

Значительная работа, проведенная в этом направлении учеными разных стран, позволяет операционализировать эти шансы и риски и для эмпирических исследований современного российского общества. В то же время такая задача представляется весьма непростой и методологически нетривиальной, поскольку веберовская концепция жизненных шансов ставит перед исследователем ряд теоретико-методологических и методических вопросов, один из которых – какие признаки позитивной и негативной привилегированности характерны для конкретного (в нашем случае российского) общества в определенный момент его существования? Ответ на этот вопрос, в свою очередь, требует определения некоего стандарта типичных для рядового россиянина во второй половине 2010-х гг. жизненных шансов и рисков³. При этом в качестве признаков позитивной или негативной привилегированности рассматривались только те шансы и риски, которые характери-

² Подробный анализ истории развития понятия «жизненные шансы» в социологии (в экономической науке для их анализа используется обычно термин «возможности» – “capabilities”) см. в: [Anikin, Lezhnina, Mareeva, Tikhonova 2017].

³ Разработка методологии анализа жизненных шансов и рисков была проведена рабочей группой в составе: В.А. Аникин, А.В. Каравай, Ю.П. Лежнина, С.В. Мареева, Е.Д. Слободенюк и автор данной статьи.

зуют жизнь не более 45% россиян. Немалую сложность представлял и вопрос о том, какие именно жизненные шансы можно рассматривать как критерии места в стратификационной иерархии. Получить ответ на него помогло то, что россиянам присуща довольно высокая степень ценностной гомогенности в критериях оценки социального статуса [Тихонова 2014], что позволило нам при операционализации признаков как позитивной, так и негативной привилегированности учитывать возможности индивидов прежде всего в тех областях жизни, которые имеют значение в глазах большинства россиян для оценки ими социального статуса⁴.

Эмпирической базой исследования, результаты которого изложены в данной статье, выступили два массива данных: один из них – массив данных третьей волны Мониторингового исследования Института социологии ФНИСЦ РАН (октябрь 2015); второй – массив данных восьмой волны этого же Мониторинга (апрель 2018 г.). Выборка в обоих случаях составляла 4000 респондентов от 18 лет и старше. Репрезентативность ее обеспечивалась использованием модели многоступенчатой районированной выборки с квотным отбором единиц наблюдения на последней ступени. На первой ступени выборки районирование осуществлялось по территориально-экономическим районам Российской Федерации в соответствии с делением ФСГС РФ. Вторая ступень формирования выборки включала выделение типичных субъектов РФ в составе каждого территориально-экономического района. На третьей ступени формирования выборки внутри субъектов РФ рассчитывались квоты по 5 типам поселений: Москва и Санкт-Петербург; административные центры субъектов РФ; административные центры районов; поселки городского типа; села. На четвертой ступени выборки при непосредственном отборе интервьюерами респондентов для опроса соблюдались квоты по основным социально-профессиональным признакам и полу, а также возрастные пропорции по пяти возрастным когортам: 18–30 лет; 31–40 лет; 41–50 лет; 51–60 лет; 60 лет и старше.

Для выделения основных социальных групп российского общества в рамках их вертикальной стратификации по критерию жизненных шансов и рисков были построены две шкалы: шкала позитивной и шкала негативной привилегированности. Каждая из них включала по 4 субшкалы, значения которых рассчитывались на основе 3 показателей позитивной и 3 показателей негативной привилегированности по каждой шкале (таблица 1). При этом мы включили в анализ не только присущие экономическим классам характеристики (особенности занятости, располагаемых ресурсов и т.п.), но и жизненные шансы в других областях жизни человека: потребления, досуга и т.п. Соответственно мы отказались от понятия «класс» как исходной точки нашего анализа, использовали вместо него понятие «страта», и решили оценить классовый характер соответствующих различий уже по итогам работы, а не приписав им этот характер изначально. Таким образом, хотя мы и отталкивались изначально от идей М. Вебера, мы не рассматривали их как безусловное основание своей методологии и вышли в ее разработке за рамки этих идей.

⁴ Оценки россиянами собственного места в иерархии общества и внутренней удовлетворенности им, а также своей жизнью в целом, о которых М.Вебер говорил как о важных следствиях различий в жизненных шансах, сознательно были исключены нами из расчетов, что позволило использовать их впоследствии для контроля полученных результатов (см. ниже).

Таблица 1. Субшкалы и показатели, использованные для построения модели стратификации российского общества по жизненным шансам и рискам

Показатели шкалы позитивной привилегированности	Показатели шкалы негативной привилегированности
Субшкала «Экономические условия жизни»	
Наличие второго пригодного для круглогодичного проживания жилья	Наличие множественных или крупных долговых обязательств
Наличие иной недвижимости при условии одновременного наличия автомобиля	Наличие значительных неэластичных текущих расходов (аренда жилья и т.п.)
Наличие инвестиций и сбережений, позволяющих прожить на них продолжительный период	Нестабильность доходов при отсутствии постоянной занятости
Субшкала «Ситуация на работе»	
Наличие ресурса влияния на работе	Неблагоприятные условия занятости
Наличие работы, являющейся объектом желаний большинства россиян (интересной и т.п.)	Несоблюдение на работе законодательства (отсутствие официального оформления и т.п.)
Наличие дополнительных социальных благ по месту занятости (соцпакет и т.п.)	Риски длительной безработицы (опыт нахождения без работы более 3 месяцев подряд за год)
Субшкала «Возможности сохранения и наращивания своего человеческого капитала»	
Возможность использовать платное образование для взрослых и детей в домохозяйстве	Недоступность необходимого образования для членов домохозяйств
Возможность использовать платные формы заботы о здоровье (медицинские и оздоровительные услуги)	Вероятность значимого ухудшения здоровья (недоступность необходимой медицинской помощи, работа на вредных производствах)
Наличие развитых навыков существования в цифровой среде (многообразии целей использования Интернета при его регулярном использовании)	Отсутствие доступа к IT-технологиям в повседневной жизни (отсутствие средств доступа к ним или навыков их использования)
Субшкала «Особенности потребления и досуга»	
Возможность расширенного стилевого потребления (число товаров длительного пользования в домохозяйстве более 1,25 медианы по населению в целом)	Суженный стандарт предметного потребления (число товаров длительного пользования в домохозяйстве менее 0,75 медианы по населению в целом)
Особая комфортность жилищных условий (большая площадь занимаемого жилья при наличии в нем коммунальных удобств)	Плохие жилищные условия (отсутствие коммунальных удобств, общая площадь менее 12 кв. м на человека)
Хорошие возможности проведения отпуска (проведение отпуска хотя раз в год вне дома)	Наличие пищевых деприваций (самооценка питания как плохого, экономия на еде)

Значения Индекса жизненных шансов и рисков (ИЖШИР) были получены путем суммирования показателей шкал позитивной и негативной привилегированности, причем последние учитывались со знаком минус. На основе значений ИЖШИР была построена общая модель стратификации массовых слоев российского общества, визуализация которой приведена на *рисунке 1*. В целом эта модель оказалась устойчива во времени и успешно «отлавливала» в разных экономических условиях некую социетальную норму, тот жизненный стандарт, который характеризует современное российское общество.

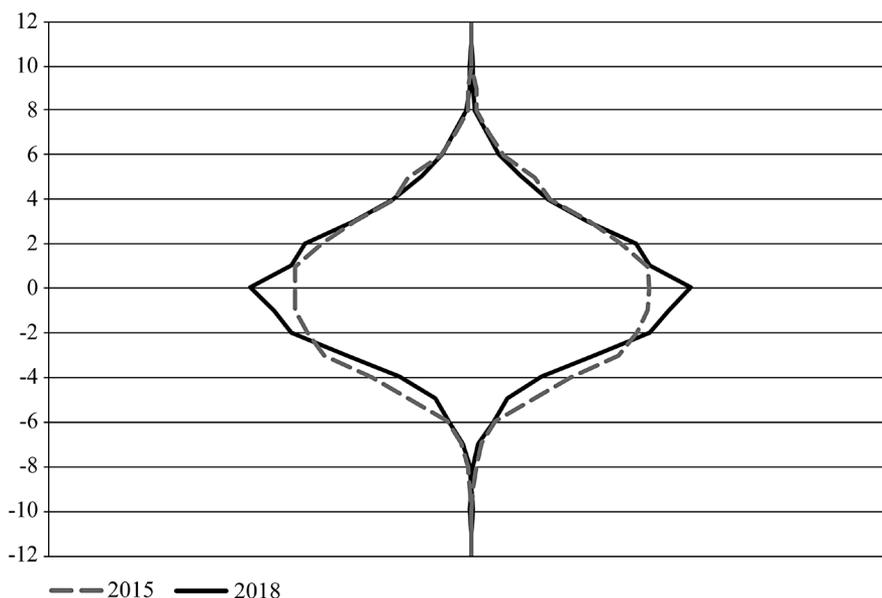

Рисунок 1. Модель стратификации массовых слоев населения России по ИЖШИР, 2015–2018 гг., %

Для выделения границ «нормы», отделяющей на полученной шкале страты с доминированием негативной и позитивной привилегированности от средней страты, был проведен специальный статистический и содержательный анализ. В ходе него для большей надежности результатов использовались разные методы, в т.ч. метод двухэтапного кластерного анализа, основанный на естественном группировании данных методом естественных границ Дженкса и содержательный анализ полученных с помощью этих методов групп [Аникин 2018; Тихонова (2) 2018].

Выделенная по итогам этой работы верхняя страта объединяет примерно пятую часть россиян (19,6% по состоянию на весну 2018 г.); нижняя страта включает чуть менее трети населения (29,4%); наконец, в среднюю страту входит примерно половина граждан России (50,9% по состоянию на весну 2018 г.). Наибольшая поляризация по показателям позитивной привилегированности характеризует жизненные шансы представителей разных страт в области их занятости. Эти различия касаются их социальной защищенности, содержания и автономности труда и т.д. Впрочем, если учесть разницу в профессиональном статусе и уровне образования представителей трех страт, это не удивительно (таблица 2) и уже само по себе заставляет предполагать, что в основе несхожести жизненных шансов представителей различных страт лежат классовые по своей сути различия, связанные со спецификой их места в системе экономических отношений. Таким образом, выделенные нами страты могут рассматриваться по меньшей мере как «классы в себе», то есть как совокупность близких структурных позиций. Об этом же говорит и разница их текущих доходов, разрыв в которых для двух полярных страт является практически двукратным.

Таблица 2. **Уровень образования, доходы и профессиональный статус в разных стратах, 2018 г., %⁵**

Показатели	Нижняя страта	Средняя страта	Верхняя страта
Уровень образования			
Поствысшее или 2 и более высших образования	0,5	2,4	6,8
Высшее	14,6	30,2	52,9
Среднее специальное	55,4	53,2	33,5*
Не выше полного общего среднего	29,5	14,2	6,8*
Индивидуальные ежемесячные доходы (руб.)			
Средние	18689	23631	34732
Медианные	16000	20000	30000
Модальные	15000	20000	30000
Профессиональный статус (% от работающих)			
Традиционные позиции среднего класса (руководители, предприниматели, профессионалы)	14,3	35,3	69,9
Прочие группы нефизического труда	32,3	29,2	16,8
Рабочие	53,4	35,5	13,3**
Справочно:			
Доля неработающих, в т.ч.:	33,7	28,6	15,5
неработающие пенсионеры	23,8	18,3	4,7
студенты	1,6	7,5	9,8
отпуск по уходу за ребенком	0,7	0,8	0
не работают по иным причинам	7,6	2,0	1,0

* У половины работающих представителей верхней страты без высшего образования, а также входящих в нее рабочих их супруги имеют высшее образование.

** Свыше 70% рабочих в этой страте – представители так называемой рабочей аристократии, т.е. рабочих высшей квалификации.

Специфика идентичностей, социального самочувствия и установок основных страт российского общества

Вопрос о наличии специфических идентичностей является одним из ключевых при оценке этапа превращения класса как набора близких структурных позиций в «класс для себя» и формирования отличительного классового сознания. Принимая во внимание значимость этого вопроса, в социологической науке разра-

⁵ Серым фоном здесь и далее выделены показатели, качественно отличающие страты (т.е. те, по которым у одной из них соответствующий показатель составляет более 50%, а у других – ниже этого уровня). Все упомянутые в тексте связи проверялись на статистическую значимость. В зависимости от характера переменных для этого использовались хи-квадрат или коэффициенты Пирсона и Спирмена.

ботано довольно много способов измерения особенностей этих идентичностей. Это и графические модели, на которых надо идентифицировать свое место в обществе, и разного рода самоопределения себя в открытых вопросах, и оценка своей близости с теми или иными группами и т.д. Учитывая специфику инструментариев использованных нами исследований, были применены два метода – 10-ступенчатый графический тест на идентификацию своего места в обществе и вербальный тест на степень близости с теми или иными социальными группами. В обоих случаях специфика идентичностей верхней страты на общем фоне просматривается довольно отчетливо. Так, если говорить о вербальном тесте на степень близости с теми или иными социальными группами, то верхняя страта характеризуется большим числом значимых идентичностей, чем представители других страт. Ее представители обычно называли в числе групп, близость с которыми они ощущают в значительной степени, 3–4 группы из 11 предложенных в анкете (среднее число таких идентичностей составляло у них в 2018 г. в итоге 3,6 при том, что в нижней страте соответствующий показатель составлял 2,7, а в средней – 3,3). Таким образом, пресловутый «кризис идентичностей» затронул эту страту в наименьшей степени. И хотя даже применительно к ней нельзя не согласиться с Е.Н. Даниловой и В.А. Ядовым в том, что нестабильная социальная идентичность является нормой жизни современных обществ вообще и российского общества в частности [Данилова, Ядов 2004], все же для наиболее благополучной части массовых слоев населения в России характерно наличие устойчивых идентичностей с людьми той же профессии и тех же пристрастий или увлечений (таблица 3).

Отличается верхняя страта и распространенностью некоторых отрицательных идентичностей, т.е. таких оснований для самоотнесения себя к тем или иным группам, которые не предполагают даже незначительной близости с ними. Так, в отличие от двух других страт, представители верхней страты в массе своей хотя бы отчасти чувствуют себя европейцами (таблица 3). При этом они по большей части (в отличие от двух других страт) вообще не идентифицируют себя как бедных; почти 60% не признают себя и как представителей низшего класса. В этой связи следует подчеркнуть, что концепт классов вообще существует в головах россиян в довольно причудливой форме. Во всяком случае, как видно из таблицы 4, с местом в иерархии жизненных шансов и рисков самоопределение себя как представителя того или иного класса соотносится весьма условно: большинство во всех стратах относит себя к среднему классу. Несмотря на то, что распространенность идентичности со средним классом характеризуется линейным ростом от нижней к верхней страте, а с низшим и рабочим классами – обратной зависимостью, показатели статистической связи между этими переменными невысокие. Это свидетельствует о том, что осознание своей классовой принадлежности (ее отрефлексированность) хотя и началось, но все еще находится у россиян в начальной фазе.

Теперь рассмотрим специфику самоидентификаций представителей разных страт с использованием результатов 10-ступенчатого графического теста на самоопределение своего места в вертикальной иерархии статусов в обществе. При том, что в каждой страте есть те, кто относит себя к верхам и к низам общества, в целом распределение их представителей по разным «ступенькам лестницы социальных статусов» существенно различно (рисунок 2, с. 15). В верхней

страте около трех четвертей причисляют себя к верхней половине позиций в статусной иерархии общества. В средней страте, очертания модели субъективной стратификации которой практически совпадают с картиной модели субъективной стратификации массовых слоев российского населения в целом, к верхней части «лестницы социальных статусов» относит себя уже меньшинство (45,9%). Что же касается нижней страты, то для ее представителей характерна низкая самооценка собственного статуса. Верна и обратная тенденция: к четырем нижним позициям⁶ в иерархии социальных статусов причисляют себя большинство представителей нижней страты (55,5%), треть средней страты (32,3%) и лишь каждый десятый в верхней страте. Таким образом, слоевая идентичность, в отличие от классовой самоидентификации, выражена в разных стратах довольно отчетливо. И в этом смысле процесс формирования определенного ощущения своей статусной принадлежности можно считать продвинувшимся уже достаточно далеко, т.е. россияне интуитивно ощущают свою принадлежность к определенному классу в рамках их вертикальной иерархии, но на вербальном уровне это место у них еще не отрафлексировано.

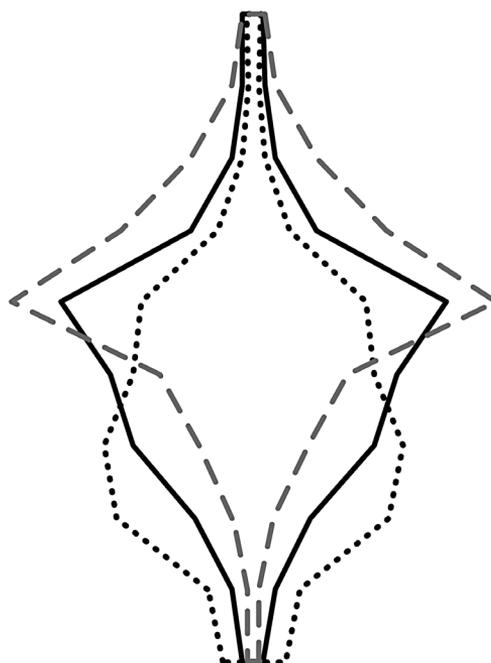
Таблица 3. Самооценки в разных стратах близости для них некоторых групп, о которых они могли бы сказать: «Это мы», 2015 г., %

Степень ощущаемой близости с различными группами	Нижняя страта	Средняя страта	Верхняя страта
Люди той же профессии, занятия			
В значительной степени	35,1	48,0	60,9
В некоторой степени	49,1	41,3	35,9
Не ощущаю близости	15,8	10,7	3,2
Люди тех же пристрастий и увлечений			
В значительной степени	43,1	55,0	63,2
В некоторой степени	42,9	36,0	31,6
Не ощущаю близости	14,0	9,0	5,2
Бедные			
В значительной степени	10,6	8,9	6,2
В некоторой степени	44,6	41,9	33,7
Не ощущаю близости	44,8	49,2	60,1
Европейцы			
В значительной степени	5,0	9,6	9,2
В некоторой степени	32,3	37,0	43,9
Не ощущаю близости	62,7	53,4	46,9

⁶ Наиболее популярная у россиян 6-я сверху позиция является одновременно и «точкой перелома». Поэтому в расчет как верхней, так и нижней части спектра статусных позиций эта позиция в данном случае не включалась.

Таблица 4. Самооценки в разных стратах близости для них тех или иных классов, о которых они могли бы сказать: «Это мы», 2015 г., %

Степень ощущаемой близости с различными классами	Нижняя страта	Средняя страта	Верхняя страта
Представители низшего класса			
В значительной степени	10,7	9,1	6,1
В некоторой степени	43,9	38,3	35,8
Не ощущают близости	45,4	52,6	58,1
Представители рабочего класса			
В значительной степени	22,0	22,9	17,7
В некоторой степени	52,2	45,8	45,3
Не ощущают близости	25,8	31,3	37,0
Представители среднего класса			
В значительной степени	15,1	20,8	21,6
В некоторой степени	50,5	51,3	54,8
Не ощущают близости	34,4	27,9	23,6

..... нижняя страта — средняя страта - - - верхняя страта

Рисунок 2. Модели субъективной стратификации трех основных страт, 2018 г., %

Верхняя страта характеризуется также явно выраженным социальным воспроизводством статусов: свыше 60% в ней относят к верхней половине социальной лестницы и семью, в которой они выросли, что также «работает» на устойчивость статусных идентичностей ее представителей. Тот факт, что только в верхней страте у большинства ее членов (52,0% при 30,5% в средней и 15,5% в нижней) хотя бы один из родителей имеет высшее образование, подтверждает наличие объективных предпосылок для таких оценок. При этом в верхней страте в когорте до 30 лет включительно такая ситуация характерна для 71,3%, а затем, по мере увеличения возраста, идет линейное сокращение выходцев из семей, где родители имели высшее образование, что связано с разной образовательной структурой различных поколений. Это свидетельствует об усиливающихся процессах социального воспроизводства составляющих ядро верхней страты лиц с высшим образованием, что заставляет предполагать дальнейшее распространение в ней характерных именно для нее идентичностей и установок. Неслучайно, если у выходцев из семей из верхней половины общества в этой страте профессиональные идентичности были ярко выражены у 64,9%, то у тех ее представителей, кто поставил своих родителей на нижние три «ступени лестницы социальных статусов», – лишь у 49,3%. С европейцами никогда не идентифицировали себя 48,0% первых и 63,8% вторых, что говорит не только о роли социального происхождения в формировании тех или иных идентичностей вообще, но и о большей внутренней близости потомственных представителей средних и верхних слоев общества к европейской культуре и т.д.

Принципиальные различия в самоощущении своего положения в обществе сказываются и на различиях в удовлетворенности собственным статусом в обществе и своей жизнью в целом у представителей разных страт. Как видно из *таблицы 5*, безусловное большинство представителей верхней страты однозначно ими довольны, а их социально-психологическое состояние, как правило, позитивное. Представители нижней страты, напротив, в массе своей не могут охарактеризовать как хороший не только свой статус в обществе, но и свою жизнь в целом, а нормой жизни с точки зрения типичного для них социально-психологического состояния выступают негативные чувства: тревога, раздражение, озлобленность, агрессия. Средняя страта занимает промежуточное положение: с одной стороны, ее представители имеют, скорее, позитивное социально-психологическое состояние, а с другой, они по большей части не считают хорошим ни свой статус в обществе, ни свою жизнь в целом. Эти особенности сохраняются, даже если рассматривать представителей одних и тех же возрастных когорт из этих страт.

К числу характерных особенностей представителей верхней страты на фоне двух других относятся также некоторые ценности и установки⁷: например, для них в большей степени характерна установка на долгосрочное планирование своей

⁷ При выделении характерных особенностей мировоззрения представителей различных страт использовалась программа CHAID (*Chi-square Automatic Interaction Detection*), являющаяся одной из разновидностей регрессионного анализа. Обычно она применяется для эффективного поиска взаимосвязи между большим числом переменных, а также для построения деревьев классификации, позволяющих находить сочетания признаков, в наибольшей степени влияющих на целевую переменную. В данном случае использовалась первая функция данной программы, что позволило выделить из нескольких сотен переменных, относившихся в использованных массивах данных к нормативно-ценностным системам, установкам, социальному самочувствию и оценкам происходящего, наиболее значимые с точки зрения характеристики субъективных особенностей разных страт и сосредоточиться на них в последующем содержательном анализе.

жизни (рисунок 3). При этом среди представителей верхней страты, у которых оба родителя имели высшее образование, в 2018 г. лишь 16,5% не планировали свою жизнь при 25,5% по этой страте в целом.

Таблица 5. Удовлетворенность жизнью и восприятие в разных стратах своего статуса и социального самочувствия, 2018 г., %

Показатели	Нижняя страта	Средняя страта	Верхняя страта
Считают, что жизнь в целом складывается хорошо	8,3	24,7	60,1
Оценивают свой статус в обществе как хороший	8,3	25,8	55,0
Ощущают эмоциональный подъем или чувствуют себя спокойно, уравновешенно	41,8	61,9	84,4
Находятся в состоянии безразличия, апатии или ощущают тревогу, раздражение, озлобленность, агрессию	58,2	38,1	15,6

Рисунок 3. Горизонт планирования у представителей разных страт, 2018 г., %

Возможно, разрывы в горизонте планирования представителей разных страт отчасти обусловлены различием жизненных целей, которые они перед собой ставят. Хотя в целом жизненные цели россиян из разных страт достаточно близки и обычно варьируются лишь надежды на их реализацию, но есть и задачи, которые ставит перед собой большинство представителей верхней страты, в отличие от остальных двух страт: это прежде всего попадание в определенный круг людей и влияние на то, что происходит вокруг них, т.е. цели, связанные с достижением определенного места в социальной иерархии и возможностью ощущать свою значимость в сообществе при минимизации характерных для современных обществ эффектов отчуждения. Различаются в разных стратах и распространенность установок на карьеру, получение хорошего образования и превращение в подлинного

профессионала своего дела, наличие престижной и интересной работы (таблица 6). Таким образом, верхнюю страту отличает превалирование так называемых достижительных установок, причем именно в той сфере, которая имеет особое значение для классовой принадлежности – в профессиональной.

Таблица 6. Особенности жизненных целей представителей разных страт, 2018 г., %

В жизненные планы входило	Нижняя страта	Средняя страта	Верхняя страта
Иметь интересную работу	90,1	93,3	98,9
Стать хорошим профессионалом в своем деле	88,4	93,4	98,1
Получить хорошее образование	75,5	83,6	93,2
Получить престижную работу	78,2	82,1	90,8
Побывать в разных странах мира	69,0	80,8	90,4
Сделать карьеру	54,8	62,9	79,4
Попасть в определенный круг людей	38,7	44,0	54,6
Влиять на то, что происходит в обществе	44,0	49,0	53,0

В то же время к таким целям, как честно прожить свою жизнь, создать счастливую семью, воспитать хороших детей, иметь надежных друзей, располагать большим количеством свободного времени и проводить его в свое удовольствие, хорошо зарабатывать, иметь собственный бизнес, стать богатым человеком, жить не хуже других и т.д., представители разных страт стремятся практически в равной степени. Близки представители разных страт и по многим желаниям, относящимся к свободному времени: практически в одинаковой мере они стремятся посещать развлекательные мероприятия (клубы, дискотеки и т.п.), регулярно встречаться с друзьями, проводить много времени со своими детьми. В то же время представители верхней страты гораздо чаще хотели бы читать книги, журналы, газеты, вести активную культурную жизнь (театры, музеи, выставки, кинотеатры и т.п.), иметь регулярный спортивный досуг вне дома (фитнес, секции, оздоровительные занятия), получать новые знания и навыки, как связанные, так и не связанные с работой. В целом весной 2018 г. лишь 37,1% представителей верхней страты говорили о том, что у них нет желания заниматься хотя бы одним из этих видов деятельности. В средней страте таких было уже большинство, а в нижней страте – почти две трети. При этом большая мотивированность представителей верхней страты на способствующие поддержанию качества их человеческого потенциала виды активности сохраняется и при контроле возраста и уровня образования, сильно влияющих на стремление человека к активным формам проведения своего свободного времени.

Говоря о других отличиях представителей верхней страты, следует отметить, что для большинства в ней характерен внутренний локус-контроль, понимаемый в данном случае как установка на личную ответственность человека за собственную судьбу. Так, три четверти этой страты (75,2% по состоянию на 2018 г.) убеждены, что человек сам кузнец своего счастья. В то же время в двух других стратах доминирует

внешний локус-контроль и большинство в них (50,8% в средней и 72,7% в нижней страте) считают, что жизнь человека в гораздо большей степени определяется внешними обстоятельствами, чем его собственными усилиями. Это различие (особенно в сочетании с разным временным горизонтом) имеет в современной России огромное значение, поскольку именно длина временного горизонта и тип локус-контроля, наряду со здоровьем, являются в последние пять лет главными факторами, определяющими динамику материального положения человека [Тихонова 2019].

Особенно наглядны различия в типе локус-контроля (как и во временном горизонте) среди составляющих ядро верхней страты выходцев из семей, где родители имели высшее образование и занимали верхние статусные позиции в обществе (рисунк 4). С учетом роли этих факторов для динамики материального положения в современной России можно ожидать, что по мере усиления уже упоминавшегося выше самовоспроизводства верхней страты разрыв между ней и остальными представителями массовых слоев населения нашей страны и в этом отношении будет углубляться. В то же время приведенные на рисунке 4 данные свидетельствуют о том, что для благополучного положения человека в современном российском обществе важны не только его личностные особенности, но и те структурные позиции, которые он занимает и которые в разной степени позволяют проявиться этим особенностям.

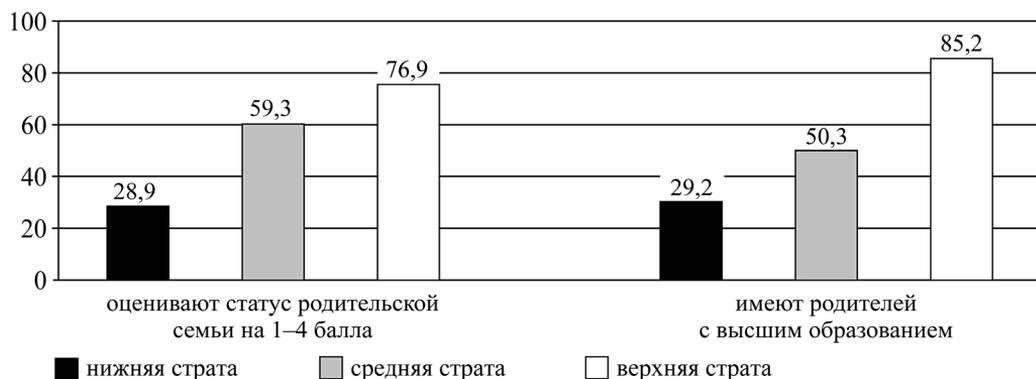

Рисунок 4. Доля имеющих внутренний локус-контроль в разных стратах при идентичности некоторых характеристик родительской семьи, 2018 г., %

Довольно ярко выделяются на фоне остальных россиян представители верхней страты и по распространенности среди них установок на конформизм или нонконформизм. Во всяком случае, большинство в ней (54,8%) весной 2018 г. считали, что выделяться среди других лучше, чем жить «как все». Среди остальных россиян доминирует иная установка: 70,0% в нижней и 60,9% в средней стратах полагали, что жить «как все» лучше, чем выделяться среди других, и эти различия воспроизводились и в разных возрастных когортах.

Однако установки на собственные усилия для достижения амбиционных целей и готовность быть «не как все» имеют наряду с несомненными плюсами для

мотивирования представителей верхней страты на большую экономическую активность свои минусы. Представителям этой страты в гораздо меньшей степени, чем остальным россиянам, присущи солидарность с неблагополучными членами общества и в большей степени – стигматизация бедных (хотя большинство и в ней пока еще винит в бедности россиян государство) (таблица 7). Это обусловлено характерной для них верой в меритократический характер российского общества, в то время как представители двух других страт считают главными факторами успеха везение и связи.

Таблица 7. Распространенность в разных стратах некоторых мировоззренческих установок, 2018 г., %

Установки (выбор в альтернативных парах суждений)	Нижняя страта	Средняя страта	Верхняя страта
Благополучное положение в российском обществе сегодня – результат, прежде всего, высокого уровня образования и квалификации, эффективной работы, приложенных усилий	28,1	39,1	52,6
Благополучное положение в российском обществе сегодня – в основном результат везения или наличия нужных связей	71,9	60,9	47,4
Материальных успехов люди должны добиваться сами, а те, кто этого не хочет, пусть живут бедно – это справедливо	37,2	48,3	53,4
Надо проявлять гуманность, и те, кто материально преуспел, должны помогать и заботиться о тех, кто не преуспел	62,8	51,7	46,6
Большинство из тех, кто находится сегодня в бедности, оказались в такой ситуации в основном по вине государства (низкие зарплаты и пенсии и т.п.)	72,0	62,1	51,0
Большинство из тех, кто находится сегодня в бедности, виноваты в этом сами – это следствие вредных привычек, лени, нежелания менять свою жизнь	28,0	37,9	49,0

Взгляды представителей разных страт на ситуацию в России

Характеризуя отношение представителей разных страт к происходящему в России, прежде всего следует отметить, что весной 2018 г. большинство представителей верхней страты (53,6%) считали ситуацию в стране нормальной. В то же время в других стратах отношение к этой ситуации было обратным: большинство (56,7% в нижней и 50,9% в средней страте) считали ее кризисной, а многие вообще воспринимали как катастрофическую. Еще ярче противоположность оценок представителей разных страт просматривалась применительно к ситуации в их регионе и том населенном пункте, где они проживают (рисунок 5). Необходимо уточнить, что эти разрывы во мнениях формировались за счет оценок тех представителей верхней страты, кто являлся выходцем из высокостатусных семей и семей, в которых родители имели высшее образование: именно они, составляя ядро верхней страты, находятся в ней в наиболее благополучном положении, что способствует и большей позитивности их оценок.

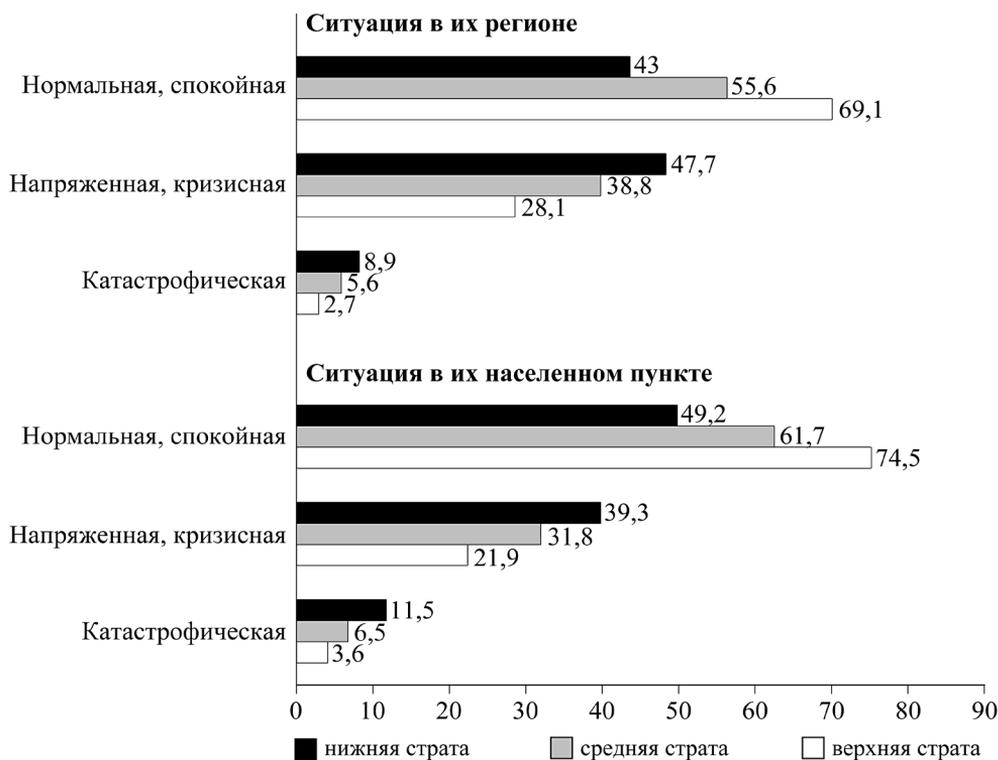

Рисунок 5. Оценки представителями разных страт ситуации в их регионе и населенном пункте, 2018 г., %

По-разному оценивают представители верхней страты и остальные россияне вектор перемен в стране в последние годы: так, в 2018 г. в верхней страте почти 60% считали, что эти изменения – к лучшему; в то же время в нижней страте доминировала убежденность, что преобразования последних лет привели к худшему; в средней страте мнения по этому поводу не имели безусловного лидера. Кроме того, половина представителей верхней страты была убеждена, что страна и в ближайший год будет развиваться успешно, в то время как в нижней страте по большей части высказывали мнение, что страну ждут трудные времена, а в средней – что ничего принципиально в ближайший год не изменится.

Тем не менее, хотя большинство в верхней страте смотрит на ситуацию в России с несвойственным основной массе россиян оптимизмом, в ней преобладает уверенность, что нужны существенные реформы в экономической и политической сферах. Если, ориентируясь на предложенную президентом в виде национальных проектов повестку дня, проанализировать, в чем же, по мнению представителей верхней страты, должны проявиться эти перемены, то выявляется, что это в первую очередь обеспечение ускоренного продвижения в сфере науки и высоких технологий. В 2018 г. более 90% ее представителей говорили о том, что для них лично эта задача очень важна. В нижней страте эту цель считали значимой лишь 78,6%,

в средней – 86,6%, при этом очевидно, что во всех стратах подавляющее большинство все-таки ожидает изменений в этой сфере. Заметно менее значимыми видятся для представителей верхней страты, как и для остальных россиян, такие задачи, как существенный рост малого и среднего бизнеса, снижение роли государства в экономике, расширение пространства свободы во всех сферах жизни, укрепление институтов демократии и местного самоуправления. Единоы с остальными россиянами представители верхней страты и в высокой оценке важности доступной и качественной медицинской помощи, приведения в порядок региональных и местных дорог, роста реальных доходов работающего населения, увеличения размеров пенсий, создания современной инфраструктуры в сельской местности, формирования равных образовательных возможностей⁸ и т.д.

Достаточно единодушны представители трех страт и в анализе наиболее болезненных для современного российского общества неравенств. Лидерами для всех страт являются неравенство доходов, неравенство в доступе к медицинской помощи, хорошим рабочим местам и образованию, неравенство жилищных условий и возможностей для детей из разных слоев общества. В то же время, если говорить о значимых лично для них неравенствах, то картина в описываемых стратах выглядит достаточно пестрой (рисунок 6). Различна в трех стратах и доля тех, кто вообще не страдает от 9 видов неравенств, предложенных в анкете: 23,2% в верхней, 7,8% в средней и 2,6% в нижней страте, а среднее число неравенств, которые их представители считали болезненными для себя лично, составляло в этих стратах 2,8; 3,3 и 3,5 соответственно.

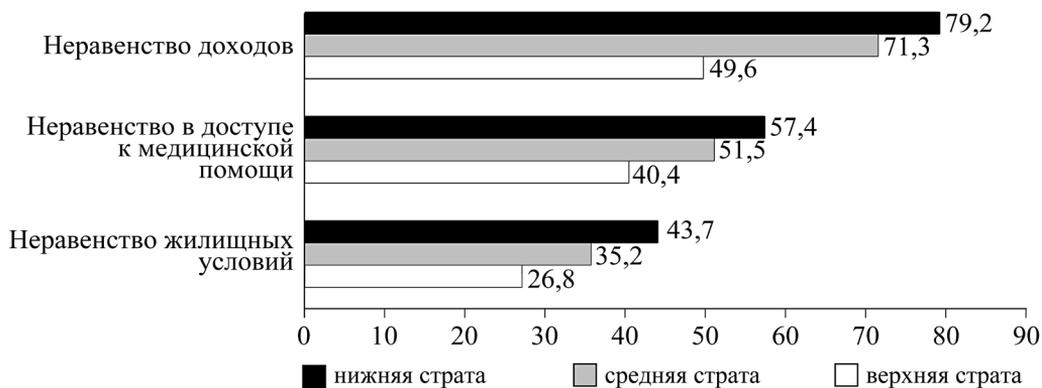

Рисунок 6. Наиболее болезненные лично для них неравенства в разных стратах, 2018 г., %

Однако довольно болезненное отношение к неравенствам не означает, что россияне ориентированы на уравнивательность. Они по большей части (58,7%) убеждены, что равенство возможностей для проявления способностей каждого че-

⁸ Приводятся в порядке убывания доли тех, кто говорил о значимости для них этих задач.

ловека важнее, чем равенство доходов и условий жизни, и лишь 41,3% считают, что равенство доходов, положения и условий жизни каждого человека важнее, чем равенство возможностей для проявления способностей. В то же время в нижней страте ситуация обратная: большинство ее представителей являются сторонниками равенства доходов, а не равенства возможностей, причем это касается практически в равной степени и работающих, и неработающих, в отличие от других страт, где сторонники равенства доходов концентрируются в основном среди экономически неактивного населения.

Таблица 8. Особенности восприятия справедливости в разных стратах, 2018 г., %

Суждения	Нижняя страта	Средняя страта	Верхняя страта
Справедливо, что те, кто работают быстрее и эффективнее, получают зарплату больше, чем люди на той же должности, но работающие менее эффективно*	53,2	62,3	70,9
Когда у одних людей оказывается больше денег, чем у других, это справедливо, если они имели равные возможности их заработать*	43,7	51,1	59,9
Справедливо, что люди со средствами могут покупать себе лучшее жилье	35,6	47,4	58,9
Справедливо, что те, кто получил более высокий уровень образования, зарабатывают больше*	39,1	42,7	51,7
Справедливо, когда те, кто может себе это позволить, дают лучшее образование детям	29,7	37,8	48,0
Справедливо, что те, у кого зарплата больше, и пенсию будут получать тоже больше*	25,4	29,6	41,0
Справедливо, когда людей, имеющих разные профессии, ценят по-разному*	19,1	23,1	32,9
Справедливо, что люди со средствами могут пользоваться медицинскими услугами более высокого качества	17,4	22,8	29,8

* Данные приведены от работающих.

Кроме того, основания для легитимных в глазах россиян неравенств свидетельствуют о том, что они достаточно толерантны к различным социально-экономическим неравенствам в случае, если в их основе лежат соответствующие принципам устройства меритократического общества установки, при этом толерантность в трех стратах проявляется по-разному. Наиболее легитимным для россиян является критерий эффективности труда (таблица 8), который даже в нижней страте признает большинство. Однако этот критерий, по мнению россиян, в нашей стране не учитывается, что делает нелегитимной всю сложившуюся систему неравенств. Лишь 14,1% работающих россиян (от 11,8 до 17,6% в разных стратах) считают, что люди в России получают соответствующее вознаграждение за свою квалификацию, интеллектуальные способности и тяжесть труда. Наиболее остро дисбаланс между своей зарплатой, с одной стороны, и необходимой для

их работы квалификацией и тяжестью их труда, с другой, воспринимают представители нижней страты: в ней о том, что они получают значительно меньше того, чем заслуживают с учетом этих факторов, говорят более половины (53,1% при 45,2% в средней и 30,5% в верхней страте).

Учитывая значимость для россиян эффективности труда с целью получения более высоких заработков, существенно, что, по их мнению, за последние 5 лет возможности зарабатывать, улучшая свое положение за счет собственных усилий, ухудшились: такого мнения в 2018 г. придерживались 36,7% работающего населения, а оценивали их как улучшившиеся только 8,9% (остальные полагали, что они не изменились). При этом в верхней страте ситуация была обратной и соответствующие показатели составляли 19,6 и 27,8% соответственно (при 36,6 и 16,0% в средней, а также 48,2 и 9,2% в нижней страте).

Взгляды и оценки представителей разных страт, как и особенности их установок (внутренний локус-контроль, опора на собственные силы, неконформизм, длинный горизонт планирования и т.д.), вытекающие из специфики их ресурсов и места в системе стратификации, влияют и на социальные действия представителей этих страт, причем как реальные, так и планируемые. Во всяком случае, представители верхней страты не только более активны в плане своих адаптационных стратегий, если ощущают потребность в улучшении своего материального положения, но и ориентированы в них преимущественно на рынок труда. Кроме того, они могут позволить себе выбирать из них наиболее комфортные для себя (например, совместительство или сверхурочные по основному месту работы). При этом у россиян из средней и особенно из нижней страты возможность выбора практически отсутствует, что приводит к их большей пассивности (особенно в нижней страте) или выбору малоэффективных стратегий (наращивание долговой нагрузки, использование подсобного хозяйства и т.п.) [Каравай 2019].

Заметные различия прослеживаются и в их готовности защищать свои трудовые права. Лишь каждый десятый работающий в верхней страте при каждом седьмом в средней и пятом в нижней страте ничего не станет предпринимать в случае, если их трудовые права будут нарушены. При этом самым распространенным методом борьбы за свои права станет попытка напрямую договориться с работодателем (40,8% в верхней при 33,7% в средней и 33,4% в нижней стратах), обращение в суд (20,5, 12,3 и 6,4% соответственно), а также обращение в профсоюзную организацию и СМИ, причем в готовности использовать эти методы борьбы представители верхней страты тоже опережают представителей двух других. Для представителей же нижней и средней страт в большей степени характерны готовность «перетерпеть» и ничего не предпринимать, а также ориентация на смену работы или участие в протестных акциях.

Прослеживаются особенности социальных действий в разных стратах и в других областях – в способах проведения досуга, действиях по обновлению своего человеческого капитала и т.д. Так, каждый третий представитель верхней страты повышал за последние три года уровень своего образования или квалификации, причем каждый четвертый использовал для этого платные образовательные услуги. В средней и нижней стратах показатели для повышения уровня образования и квалификации составляли 16,4 и 4,9%, а для платных образовательных услуг – 11,5 и 3,4% соответственно.

Выводы

Если структурировать массовые слои российского общества по жизненным шансам и рискам, то можно выделить три крупные страты. Верхняя из страт насчитывает около 20% населения и характеризуется концентрацией жизненных шансов в самых разных областях: производственной, бытовой, досуговой и т.д. Ее представители в массе своей имеют высшее образование и являются выходцами из семей, где хотя бы один из родителей окончил вуз. С точки зрения их профессионального статуса эту страту представляют в основном профессионалы, руководители и предприниматели.

Нижняя страта в составе массовых слоев российского общества, включающая около 30% населения, характеризуется невозможностью поддерживать типичный для среднего россиянина стандарт жизни и в этом отношении соответствует депривационному пониманию бедности в его немонетарной версии. В жизни ее представителей доминируют разного рода депривации и риски, а круг их жизненных возможностей очень ограничен.

Включающая большую часть россиян средняя страта мало чем качественно отличается по своему составу и положению от нижней страты, что свидетельствует об их относительной близости, при которой позиционирование их представителей в стратификационной системе в каждый отдельный момент связано с разного рода индивидуальными жизненными обстоятельствами и может легко меняться под влиянием многих факторов.

Если же проанализировать мировоззренческие особенности этих страт, то данные свидетельствуют о том, что верхняя страта (особенно ее ядро, состоящее из выходцев из высокостатусных семей и семей, где хотя бы один из родителей имел высшее образование) характеризуется спецификой своих установок, нормативно-ценностных систем и взглядов на происходящее в последние годы в России. Более того, она обладает всеми чертами, традиционно приписываемыми среднему классу, причем эти особенности сохраняются и при учете различий в возрастном, образовательном и профессиональном составе разных страт. В отличие от россиян из двух других страт, ее представители ориентированы на долгосрочное планирование, неконформизм, личную активность и ответственность за достижение своих целей. В средней же и нижней стратах доминируют установки на то, чтобы жить «здесь и сейчас», быть «как все», а также убежденность, что жизнь человека определяется внешними обстоятельствами.

В меньшей степени различаются жизненные цели, которые хотели бы достичь представители разных страт, однако и в этом отношении представители верхней страты выделяются на общем фоне распространенностью среди них достижительных установок. Отличаются и их идентичности – как положительные (прежде всего большей распространенностью среди них профессиональной идентичности, а также хотя бы в некоторой степени испытываемой ими, в отличие от других россиян, идентичностью с европейцами), так и отрицательные (они в массе своей никогда не ощущают себя представителями низшего класса или бедными). Кроме того, российское общество гораздо чаще видится им по своему характеру меритократическим. Возможно, поэтому в верхней страте заметно меньше распространены солидаристские установки, а бедные стигматизируются

ими чаще, чем остальными россиянами. Что же касается общей ситуации в России, то представители верхней страты (в отличие от других россиян) воспринимают ее довольно оптимистично.

Таким образом, верхняя страта характеризуется не только относительным материальным благополучием, связанным с ее особым местом в системе экономических отношений или удовлетворенностью своей жизнью и социальным статусом, но и воспроизводящимися из поколения в поколение особенностями установок и нормативно-ценностных систем, отражающимися и в поведенческих стратегиях ее представителей. Так, характерная для мировоззрения ее членов значимость личных усилий реализуется в их большей практической активности в разных областях жизни и т.д. Представители же средней и нижней страт заметно отличаются во всех этих отношениях от верхней страты, одновременно имея ряд общих черт: их объединяют, в частности, общность взглядов, установок, ценностей и определенные поведенческие паттерны, хотя уровень их благополучия «в моменте» различен в зависимости от текущих жизненных обстоятельств. Можно сказать, что представители средней и нижней страт с разной степенью успешности в тот или иной период своей жизни постоянно балансируют между типичными для среднего россиянина жизненными шансами и невозможностью поддерживать сложившийся в обществе усредненный жизненный стандарт. В то же время положение представителей верхней страты гораздо более устойчиво.

В основе разницы положения и мировоззрения выделенных страт лежат различия классового характера, т.е. специфика их места в системе экономических отношений и прежде всего особенности их занятости и квалификации. Это позволяет оценивать верхнюю страту как формирующийся средний класс, характеризующийся четко выраженной тенденцией социального воспроизводства, а среднюю и нижнюю страты как «нижний средний» и «низший» классы. Однако, учитывая использованную нами методику их выделения и идеологическую нагруженность понятия «класс» в отечественной науке, применительно в описанном в данной статье группам предпочтительнее все же использовать понятие «страты». В пользу этого говорит и то, что пока мы имеем дело лишь с формирующимися классами, в которых классовая принадлежность, скорее, интуитивно ощущается, чем сознательно рефлексировается. Лишь очень постепенно они будут превращаться из «классов в себе» в «классы для себя». В то же время их усиливающееся социальное воспроизводство скоро сделает специфику не только их положения, но и мировоззрения, идентичностей, понимания собственных интересов и вытекающих из всего этого поведенческих паттернов гораздо более очевидной, и тогда именно классовая модель анализа станет оптимальным инструментом для изучения социальной структуры российского общества.

Литература

- Аникин В.А. (2018) Социальная стратификация по жизненным шансам: попытка операционализации для массовых опросов // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. № 4. С. 39–67.

- Голенкова З.Т. (ред.) (2015) Наемный работник в современной России. М.: Новый хронограф.
- Горшков М.К., Ли Пэйлиня, Козырева П.М., Тихонова Н.Е. (ред.) (2018) Среднедоходные слои в России и Китае: положение, динамика, особенности мировоззрения. М.: Новый хронограф.
- Горшков М.К., Петухов В.В. (ред.) (2017) Российское общество и вызовы времени. Книга пятая. М.: Весь Мир.
- Данилова Е.Н., Ядов В.А. (2004) Нестабильная социальная идентичность как норма современных обществ // Социологические исследования. № 10. С. 27–30.
- Жвиташвили А.Ш. (2015) Социально-классовая структура российского общества: тенденции развития // Власть. № 4. С. 64–69.
- Каравай А.В. (2019) Основные модели социально-экономической адаптации в разных стратах российского общества // Terra Economicus. № 3. С. 32–41.
- Мареева С.В. (2018) Жизненные шансы жителей столиц и провинций в массовом сознании // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. № 6. С. 365–385.
- Семенова В.В., Черныш М.Ф., Ваньке А.В. (ред.) (2017) Социальная мобильность в России: поколенческий аспект. М.: Институт социологии РАН.
- Тихонова Н.Е. (2014) Социальная структура России: теории и реальность. М.: Новый хронограф, Институт социологии РАН.
- Тихонова Н.Е. (ред.) (1) (2018) Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения. М.: Нестор-История.
- Тихонова Н.Е. (2) (2018) Стратификация по жизненным шансам массовых слоев современного российского общества // Социологические исследования. № 6. С. 53–65.
- Тихонова Н.Е. (2019) «Негативная стабилизация» и факторы динамики благосостояния населения в посткризисной России // Социологический журнал. Т. 25. № 1. С. 129–142.
- Тощенко Ж.Т. (2018) Прекариат: от протокласса к новому классу. М.: Наука.
- Черныш М.Ф. (2014) Цивилизационные основания общества и социальная структура // Социологический журнал. № 3. С. 6–32.
- Шкаратан О. И. (2012) Социология неравенства. Теория и реальность. М.: ВШЭ.
- Шкаратан О.И., Ястребов Г.А. (2008) Российское неэтакратическое общество и его стратификация // Социологические исследования. № 11. С. 40–50.
- Anikin V.A., Lezhnina Y.P., Mareeva S., Tikhonova N.E. (2017) Social Stratification by Life Chances: Evidence from Russia. Working paper WP BRP. No. 80/SOC/2017.
- Beck U. (2009) World at Risk, Cambridge: Polity.
- Dahrendorf R. (1979) Life Chances: Approaches to Social and Political Theory, Chicago: University of Chicago Press.
- Daston L. (2008) Life, Chance & Life Chances // Daedalus, vol. 137, no 1, pp. 5–14.
- Goldthorpe J.H., Llewellyn C., Payne C. (1987) Social Mobility and Class Structure in Modern Britain (2 ed.), Oxford: Clarendon Press.
- Scott J. (2002) Social Class and Stratification in Late Modernity // Acta Sociologica, vol. 45, no 1, pp. 23–35.
- Standing G. (2011) The Precariat: The New Dangerous Class, London: A&C Black.
- Tumin M.M. (1973) Patterns of Society: Identities, Roles, Resources, Boston, MA: Little, Brown.
- Weber M. ([1924] 1978) Economy and Society, Berkeley: University of California Press.
- Wright E.O. (1997) Class Counts: Comparative Studies in Class Analysis, Cambridge Cambridge University Press.

The Worldviews and Identities of the Mass Strata of Modern Russian Society

N. TIKHONOVA*

***Natalia Tikhonova** – DSc in Sociology, Professor-researcher, National Research University Higher School of Economics; Chief Researcher, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. Address: 20, Myasnitckaya St., Moscow, 101000, Russian Federation. E-mail: ntikhonova@hse.ru

Citation: Tikhonova N. (2020) The Worldviews and Identities of the Mass Strata of Modern Russian Society. *Mir Rossii*, vol. 29, no 1, pp. 6–30 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2020-29-1-6-30

Abstract

This article analyzes the worldviews and identities of the three basic strata of Russian society, identified by drawing on Max Weber's ideas of positive and negative privileges. By analyzing data from two all-Russian surveys carried out by the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences in 2015 and 2018, I demonstrate that these strata differ from each other not only in terms of their well-being, occupational and educational structure, but also in terms of their identities, social self, norm and value systems, as well as their attitudes and the perception of the current situation in Russia. While the lower and the middle strata are relatively similar to each other, the upper stratum (about 20% of Russians) stands out with its pronouncedly specific identities, planning horizons, the prevalence of nonconformist attitudes and the type of locus control. The life goals of the representatives of the top stratum are much more achievement-oriented, and their assessment of the situation in Russia, unlike those of the rest of Russians, is quite optimistic. This stratum is also quite specific in that it demands from the state advance breakthroughs in the areas of science and high-tech industries. Its representatives much less commonly exhibit solidarity attitudes, and more often stigmatize the poor. The specific worldviews and the norm and value systems of the upper stratum are also reflected in its behavioral strategies. I conclude that the strata identified correspond to the definition of classes in their neo-Weberian interpretation, and within this social structure model the upper stratum can be considered as the middle class with a pronounced specificity not only of its objective, but also subjective, characteristics.

Key words: social stratification, social structure, life chances, stratification model, strata, social reproduction, identities, social status

References

Anikin V.A. (2018) Sotsial'naya stratifikatsiya po zhiznennym shansom: popytka operatsionalizatsii dlya massovykh oprosov [Social Stratification by Life Chances:

- an Attempt at Operationalization for Mass Polls]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, no 4, pp. 39–67.
- Anikin V.A., Lezhnina Y.P., Mareeva S., Tikhonova N.E. (2017) *Social Stratification by Life Chances: Evidence from Russia*. Working paper WP BRP. No. 80/SOC/2017.
- Beck U. (2009) *World at Risk*, Cambridge: Polity.
- Chernysh M.F. (2014) Tsvivilizatsionnye osnovaniya obshchestva i sotsial'naya struktura [Civilizational Foundations of Society and Social Structure]. *Sotsiologicheskij zhurnal*, no 3, pp. 6–32.
- Dahrendorf R. (1979) *Life Chances: Approaches to Social and Political Theory*, Chicago: University of Chicago Press.
- Danilova E.N., Yadov V.A. (2004) Nestabil'naya sotsial'naya identichnost' kak norma sovremennykh obshchestv [Unstable Social Identity as the Norm of Contemporary Societies]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 10, pp. 27–30.
- Daston L. (2008) Life, Chance & Life Chances. *Daedalus*, vol. 137, no 1, pp. 5–14.
- Goldthorpe J.H., Llewellyn C., Payne C. (1987) *Social Mobility and Class Structure in Modern Britain* (2 ed.), Oxford: Clarendon Press.
- Golenkova Z.T. (ed.) (2015) *Naemnyj rabotnik v sovremennoj Rossii* [Employed Workers in Modern Russia], Moscow: Novyj Khronograf.
- Gorshkov M.K., Li Pehjlina, Kozyreva P.M., Tikhonova N.E. (eds.) (2018) *Srednedokhodnye sloi v Rossii i Kitae: polozhenie, dinamika, osobennosti mirovoztreniya* [Middle-income Strata in Russia and China: Position, Dynamics, Peculiarities of the Worldview], Moscow: Novyj Khronograf.
- Gorshkov M.K., Petukhov V.V. (eds.) (2017) *Rossijskoe obshchestvo i vyzovy vremeni. Kniga pyataya* [Russian Society and the Challenges of Time. Book Five], Moscow: Ves' Mir.
- Karavaj A.V. (2019) Osnovnye modeli sotsial'no-ekonomicheskoy adaptatsii v raznykh stratakh rossijskogo obshchestva [Basic Models of Socio-economic Adaptation in Different Strata of the Russian Society]. *Terra Economicus*, no 3, pp. 32–41.
- Mareeva S.V. (2018) Zhiznennye shansy zhitel'ej stolits i provintsij v massovom soznanii [The Life Chances of the Residents of Capitals and Provinces in the Mass Consciousness]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, no 6, pp. 365–385.
- Scott J. (2002) Social Class and Stratification in Late Modernity. *Acta Sociologica*, vol. 45, no 1, pp. 23–35.
- Semenova V.V., Chernysh M.F., Van'ke A.V. (eds.) (2017) *Sotsial'naya mobil'nost' v Rossii: pokolencheskij aspekt* [Social Mobility in Russia: a Generational Aspect], Moscow: Institut sociologii RAN.
- Shkaratan O.I. (2012) *Sotsiologiya neravenstva. Teoriya i real'nost'* [Sociology of Inequality. Theory and Reality], Moscow: HSE.
- Shkaratan O.I., Yastrebov G.A. (2008) Rossijskoe neoetakraticeskoe obshchestvo i ego stratifikatsiya [Russian Neo-Statistical Society and its Stratification]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 11, pp. 40–50.
- Standing G. (2011) *The Precariat: The New Dangerous Class*, London: A&C Black.
- Tikhonova N.E. (2014) *Sotsial'naya struktura Rossii: teorii i real'nost'* [The Social Structure of Russia: Theories and Reality], Moscow: Novyj Khronograf.
- Tikhonova N.E. (ed.) (1) (2018) *Model' dokhodnoj stratifikatsii rossijskogo obshchestva: dinamika, faktory, mezhstra-novye sravneniya* [The Model of Income Stratification of the Russian Society: Dynamics, Factors, Cross-country Comparisons], Moscow: Nestor-Istoriya.
- Tikhonova N.E. (2) (2018) Stratifikatsiya po zhiznennym shansom massovykh sloev sovremennogo rossijskogo obshchestva [Stratification by Life Chances of the Mass Strata of Modern Russian Society]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 6, pp. 53–65.
- Tikhonova N.E. (2019) «Negativnaya stabilizatsiya» i faktory dinamiki blagosostoyaniya naseleniya v postkrisisnoj Rossii [“Negative Stabilization” and the Factors of Population Welfare Dynamics in Post-crisis Russia]. *Sotsiologicheskij zhurnal*, vol. 25, no 1, pp. 129–142.

-
- Toshchenko Zh.T. (2018) *Prekariat: ot protoklassa k novomu klassu* [Precariat: on the Way from the Proto-Class to the New Class], Moscow: Nauka.
- Tumin M.M. (1973) *Patterns of Society: Identities, Roles, Resources*, Boston, MA: Little, Brown.
- Weber M. ([1924] 1978) *Economy and Society*, Berkeley: University of California Press.
- Wright E.O. (1997) *Class Counts: Comparative Studies in Class Analysis*, Cambridge Cambridge University Press.
- Zhvitiashvili A.Sh. (2015) Sotsial'no-klassovaya struktura rossijskogo obshchestva: tendentsii razvitiya [Social Class Structure of the Russian Society: Development Trends]. *Vlast'*, no 4, pp. 64–69.